

RU

Трансформация темы детских чудес во взрослой поэзии Олега Григорьева

Баранов Д. К.

Аннотация. Цель исследования – уточнить представление о художественном мире Олега Григорьева, ответив на вопрос, как характерная для его официально выходившей детской поэзии тема волшебства трансформируется, попадая в неподцензурные произведения автора для взрослых. В статье с помощью интертекстуального и мотивного анализа демонстрируется, что во взрослой поэзии последовательно воплощаются, но радикально преобразуются самые разные элементы (сюжеты, образы, рифмы, мотивы) детской поэзии. Научная новизна заключается в том, что впервые прицельно рассматривается тема волшебства и демонстрируется, что элементы абсурда взрослых стихов прямо восходят к теме особого взгляда ребенка из стихов для детей. Полученные результаты показывают, что во взрослых стихах, где тема детского восприятия почти пропадает, на смену чудесам приходят жуткие метаморфозы, подчеркивающие ненадежность и абсурдность действительности. Если мы осознали, что «взрослый» мир представляет собой страшно искаженный, но все еще узнаваемый мир детских стихов, это позволяет уточнить представление о художественной концепции Григорьева в целом: поэт демонстрирует, как страшно утратить детское, творческое начало, ведь потеря детского ощущения чуда в художественном мире Григорьева переживается как трагедия бытия.

EN

Transformation of the theme of children's miracles in the adult poetry of Oleg Grigoriev

D. K. Baranov

Abstract. The aim of the research is to clarify the understanding of Oleg Grigoriev's artistic world by answering the question of how the theme of magic, characteristic of his officially published children's poetry, is transformed when entering the author's uncensored works for adults. Using intertextual and motif analysis, the article demonstrates that various elements (plots, images, rhymes, motifs) of children's poetry are consistently embodied but radically transformed in adult poetry. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, the theme of magic is purposefully examined, demonstrating that elements of the absurd in adult poetry directly trace back to the theme of a child's special perspective in poetry for children. The results obtained show that in adult poetry, where the theme of child perception almost disappears, miracles are replaced by eerie metamorphoses emphasizing the precariousness and absurdity of reality. Recognizing that the "adult" world represents a terribly distorted yet still recognizable world of children's poems allows for a clarification of Grigoriev's artistic concept as a whole: the poet demonstrates how frightening it is to lose the child-like, creative origin, as the loss of a child's sense of wonder in Grigoriev's artistic world is experienced as a tragedy of existence.

Введение

Одной из наиболее волнующих современную гуманитаристику тем является тема перехода от советской к постсоветской культуре – и, шире, в целом соотношения культуры СССР и России. В конце концов, анализ истоков современной литературы и культуры поможет лучше понять, в каком положении они находятся сейчас. Однако пока в науке не сложилось по-настоящему исчерпывающей картины того, как именно происходила названная культурная трансформация. Особые затруднения вызваны тем, что и постсоветская, и советская культура представляют собой не монолитные образования: так, культуру постсталинского времени можно описать как многоуровневую, в которой сложным образом взаимодействуют официальная и неофициальная культура, при этом многие авторы оказываются как бы на границе. Анализ творчества именно таких авторов может помочь понять наиболее сложные процессы перераспределения символического капитала

деятели культуры в конце XX века. Одним из наиболее ярких представителей такого рода оказывается Олег Григорьев: с одной стороны, успешный детский поэт, с другой – автор ленинградского андеграунда, создающий заведомо непроходные стихи, наполненные черным юмором.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в результате проведения анализа удастся осмыслить, как соотносятся между собой детская и взрослая линии творчества Григорьева – а значит, как соотносятся, взаимодействуют, перетекают друг в друга подцензурная и неподцензурная поэзия. Это, в свою очередь, поможет лучше понять механизмы культуры, работавшие в позднесоветскую, в частности перестроечную, эпоху – накануне перемен, в результате которых «неподцензурный» Григорьев стал известен не только другим представителям андеграунда, но и широкому кругу читателей.

Порой можно встретить мнение о неправильности разделения творчества Олега Григорьева на тексты для взрослых и тексты для детей (Юрьев, 2014, с. 280). Но еще Е. В. Хворостьянова (2002, с. 44-46) продемонстрировала, что это не так: стихи поэта, опубликованные официально, действительно, рассчитаны одновременно и на детей, и на взрослых (на это указывает и, например, В. Л. Топоров (1995, с. 14)), однако стихи для взрослых не были рассчитаны на адресата-ребенка.

Тем не менее эти два пласта творчества автора взаимосвязаны – в том числе за счет того, что элементы, ассоциируемые с детской поэзией, то и дело дают о себе знать в поэзии взрослой. Подобные переключки вполне ожидаемы – хотя бы потому, что многие взрослые стихи построены по следующей модели: текст начинается как детское стихотворение (например, с какой-нибудь типичной сцены из детской жизни), но затем события принимают неожиданный и пугающий оборот, появляются темы секса, насилия, каннибализма и т. д. Подобное мы видим в произведениях «Очки», «Рана», «Дети играли в дочки-матери по кругу», «Жмурки», «Иду в школу», «Двор», «Учитель со стола вешал карту...», «Мальчик Шмяк и девочка Шлёп...», «Токарь Ложкин шел по дорожке», «В саду» и т. д.

Нам уже приходилось отмечать, что частотность такой сюжетной модели подчеркивает более общий художественный принцип: многие частные элементы текстов для детей во взрослой поэзии развиваются, трансформируются, искажаются (Баранов, 2026а) – в этом можно увидеть проявление важного для григорьевского творчества принципа метаморфоз (на разные другие варианты реализации этой темы обращали внимание неоднократно (Хворостьянова, 2002, с. 38; Скулачев, 2012, с. 13-14; Бокарев, 2024, с. 395-396)). Анализируя то, как трансформируется бытовое наполнение художественного мира и то, как тема запретной еды, встречающаяся в детской поэзии, последовательно превращается в тему каннибализма в поэзии взрослой, мы попытались уточнить представление о художественной концепции Григорьева: в текстах для взрослых «Григорьев в утрированном виде изображает реальность, в которой не осталось “детскости”, того светлого взгляда, который так заметен в произведениях поэта для детей» (Баранов, 2026а, с. 1235).

Однако остаются без ответов некоторые вопросы. В каких еще не рассмотренных аспектах поэзии Григорьева дает о себе знать описанная концепция? Все ли составляющие художественного мира, попадая из детской поэзии во взрослую, подвергаются страшным метаморфозам? Как укладываются в описанную систему произведения, в которых взрослые герои все же сохраняют непосредственный детский взгляд на мир? Представляется, что ответы на эти вопросы поможет получить анализ темы волшебства – это одна из главных тем детской поэзии Григорьева, продолжающая играть ведущую роль и в стихотворениях для взрослых.

Таким образом, нами ставятся следующие задачи:

1) отобрать показательные тексты и рассмотреть, связаны ли между собой детские произведения, в которых встречается тема чудес, волшебства, и взрослые произведения, в которых присутствует мотив абсурдистских трансформаций;

2) описать, какой статус в художественном мире поздних стихов имеют взрослые герои, сохранившие в себе остатки детского взгляда на мир.

Материалом исследования послужили детские (вышедшие в трех прижизненных сборниках: «Чудаки» (1971), «Витамин роста» (1980), «Говорящий ворон» (1989)) и взрослые неподцензурные произведения Григорьева (все тексты цитируются по наиболее полным и авторитетным посмертным сборникам (Григорьев, 1997; 2008)).

В основе исследования лежит мотивный анализ, позволяющий проследить трансформации центральной для творчества поэта темы волшебства – и выявить место этой темы в художественной концепции автора. Также при сопоставлении некоторых пар конкретных детских и взрослых произведений по мере необходимости привлекается интертекстуальный анализ. Помимо указанных подходов, мы обращаемся к методу целостного анализа художественного текста.

Теоретической базой послужили исследования, посвященные как официальной, так и неподцензурной поэзии Олега Григорьева. Центральное место среди них занимает хрестоматийная монография Хворостьяновой (2002), в которой раскрывается структурная сложность и смысловая глубина григорьевского творчества – эта монография, в сущности, представляет собой основу всех современных исследований, посвященных поэту. Особое внимание нами также было уделено работам, в которых исследователи хотя бы вскользь сопоставляли детскую и взрослую поэзию автора. Речь об исследованиях, в которых обращалось внимание на сходство поэзии Григорьева для детей и для взрослых в плане разработки определенных тем (например, отношений детей и взрослых (Губайдуллина, 2006)), а также на сходство на уровне отдельных приемов (Скулачев, 2012, с. 16-18), особенно языковых (Morse, 2018, р. 120-128). Учитывались и работы исследователей, которые стремились обнаружить в детских стихах черты взрослой поэзии, например, обращая внимание на значимость темы насилия (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 394; Бокарев, 2024, с. 393-394).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при подготовке курсов, посвященных истории и теории литературы андеграунда, детской литературы, истории русской литературы второй половины XX века.

Обсуждение и результаты

Мир детской поэзии Олега Григорьева – та светлая действительность, о которой в его взрослой поэзии многое напоминает: помимо схожих сюжетных ситуаций, мы видим схожие темы, образы, даже рифмы. Однако заметен сдвиг в использовании знакомых по детской поэзии элементов.

Например, рифмы «зонтом – дом» и «зонт – горизонт» в детском стихотворении «Человек с зонтом» возникают в связи с тем, что герой не может войти в дом, и ему приходится уйти («Человек с зонтом / Хотел войти в дом <...> Раскрыл свой зонт / И ушел за горизонт» (Григорьев, 1997, с. 37)). Во взрослом стихотворении ситуация схожая, только в дом не войти уже потому, что тот сгорел:

«Тушил я пожар зонтом.
Ну что же, гори, мой зонт.
Вместе с зонтом сгорел дом,
Впереди открыт горизонт» (Григорьев, 2008, с. 82).

В «Витамине роста» мальчик срывает эксперимент, так как подкармливает крысу, которой дают меньше еды:

«Скажи, Смирнов, откровенно,
Ты крысу кормил
Из гуманных соображений
Или из шалости?
Смирнов опустил глаза
И сквозь слезы сказал:
— Не из гуманных соображений,
А от жалости» (Григорьев, 1997, с. 88).

Во взрослой поэзии узнаваемая рифма «шалости – жалости» возникает уже в совершенно ином контексте – и связана с часто встречающейся темой извращения и выворачивания наизнанку:

«Мазохисту на лавке
Втыкали дети булавки.
Не от тоски, не от шалости,
А втыкали от жалости» (Григорьев, 2008, с. 316).

Показательны и точечные тематические переключки. Рассуждение о восьми ногах из «детского» наблюдения – «В уголке сидит паук – / Восемь ног, а может, рук» (Григорьев, 2008, с. 355) – превращается в рассуждение, похожее на детское, но касающееся часто встречающейся во взрослой поэзии (Хворостьянова, 2002, с. 108-109) темы неправильного количества конечностей (например, отделенных от тела, ср.: «Хирург мне ногу отрезал...», «Задеваю проволоку ржавую...» и т. д.):

«Восемь это много или мало?
Чего восемь?
А чего попало.
Если ног, то для коровы много,
А для сороконожки мало» (Григорьев, 2008, с. 429).

В детском стихотворении герой спасает мотылька от поймавшего его паука («В липкой паутине...»), во взрослом у жертвы нет шанса на спасение («Грела муха паука, / теплая еще... пока» (Григорьев, 2008, с. 355)). Сопоставление фигуры человека с античной скульптурой («Мы идем на физкультуру...») во взрослой поэзии наводит на мысли об «эпохе упадка и разложения» (Григорьев, 2008, с. 245). Шуточное стихотворение о том, что тонуть лучше не в болоте, а в компоте («Что лучше») превращается в шуточно-серьезный стишок на важную для поздней поэзии Григорьева тему гармонии, которую можно найти лишь в смерти:

«Я умер от варенья.
Наконец пришло-таки
Умиротворенье» (Григорьев, 2008, с. 33).

Итак, два пласта творчества Олега Григорьева связаны не просто на уровне тем или отдельных языковых приемов – многие образы взрослой поэзии восходят именно к детской. Возникает ощущение преемственности и в то же время трансформации: детский мир легко «превращается» в ужасный мир взрослых произведений. Чтобы это увидеть, рассмотрим внимательно одну – очень важную – тему, которая проходит через все творчество поэта и с этим принципом связана максимально явно. Речь о волшебстве, которое в поэзии для детей проявляется, например, в нарушениях законов физики и здравого смысла («Бутылку чернил...») или, скажем, в одушевлении неживых предметов («В коробке для шахмат послышался крик...»).

Важно подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев появление «волшебства» обусловлено в подобных текстах особым – детским, творческим – взглядом героя (на связь детского и творческого начал в григорьевской поэзии указывала Хворостьянова, ср.: «...его поэзия <...> останется поэзией элитарной, востребованной главным образом поэтами. Точнее – детьми и поэтами, хотя в случае Григорьева этот короткий перечень воспринимается как тавтология» (2002, с. 18)).

И в некоторых текстах принципиально непонятно, присутствуют ли чудеса в предметном мире произведения – или же мы просто смотрим на мир через призму восприятия ребенка, готового увидеть волшебство в чем угодно. Показательно известное стихотворение «Говорящий ворон», давшее название одному из прижизненных сборников:

«Говорящий ворон на окошко сел
И мое жилище с грустью оглядел.
Он меня не очень оторвал от дел –
Не сказал ни слова, дальше полетел» (Григорьев, 2008, с. 354).

Реалистическая интерпретация (прилетела обычная птица, а ребенок выдумал, что она якобы умеет разговаривать) соседствует с фантастической (ворон умеет говорить, просто в конкретный момент промолчал). Первая интерпретация поддерживается «здравым смыслом» (взрослым взглядом) читателя. Вторая – общим контекстом детской поэзии автора, а также интертекстуальной связью. Так, стихотворение явно отсылает к известнейшему тексту Эдгара По («Ворон»), но ворон Григорьева так и не произносит знаменитое “nevermore” и улетает, не навредив ребенку (который, в отличие от героя По, не знаком со смертью и не обременен тяготами взрослой жизни). «Волшебство» детского стихотворения противопоставлено пугающей мистике произведений григорьевского предшественника.

Как бы то ни было, хотя в некоторых текстах мы и можем списать «волшебство» мира на особенности детского восприятия, ясно, что на уровне собственно языковой действительности нет сомнений в реальности тех или иных образов и событий. Так, в следующем стихотворении сквозь повседневный быт прорывается не поддающаяся измерению значимость матери для ребенка – и детское ожидание вкусного «чуда»:

«Большая мама с мир
Несет в авоське пир» (Григорьев, 2008, с. 453).

Ребенок видит все элементы окружающей его действительности – особенно природной – как взаимосвязанные:

«Солнце в воду плюхнулось,
Волна о берег бухнулась» (Григорьев, 2008, с. 453).

Для ребенка нет ничего недостижимого:

«Я в луже стою босиком на Луне,
Не нужно скафандра для этого мне» (Григорьев, 1997, с. 89).

Таким образом, в детской поэзии создается волшебный мир, где эстетическое важнее физического, реалистического:

«Звезды и месяц купались в реке,
Удочку крепко держал я в руке.
Вижу: под воду ушел поплавок,
Месяц я ловким движеньем подсек.
Круто взметнулся он синим хребтом,
Звонкую леску отсек, как серпом.
И улетел, ослепляя глаза,
Вместе со звездами в небеса» («Месяц») (Григорьев, 1997, с. 61).

Взгляда, характерного для детей – и интересного детям – мир взрослых обычно лишен. Показательно стихотворение «Камни». В известном посмертном сборнике «Птица в клетке» оно помещено составителем в детский раздел, при этом очевидно, что перед нами именно позиция взрослого героя, осознающего, что лишен того дара к «волшебству», которым обладают дети:

«Дети кидают камни
На берегу речушки.
Камни будто ногами.
Прыгают, как лягушки.
Воду едва лишь тронут
И дальше скачками летят.
Мои же все камни тонут,
Только детей смешат» (Григорьев, 1997, с. 60).

Противопоставление взрослого героя и детей подчеркивается на уровне речевых образов: если камни детей летают и скачут, «как лягушки», то при описании действий героя явно обыгрывается выражение «тонуть как камень» / «идти камнем на дно». Однако было бы неточно сказать, что стихи Григорьева для детей и для взрослых различаются по принципу наличия и отсутствия волшебства. В некоторых случаях «волшебство» возникает – но, естественно, в искаженном по сравнению с детской поэзией варианте.

Прежде всего отметим, что можно говорить о некоторых «промежуточных» произведениях, в которых не совсем ясно, реализуется ли интересующая нас тема на уровне предметного мира или лишь на уровне языковых образов. Например:

«Вот уже две недели,
Как дети в окно улетели» (Григорьев, 2008, с. 273).

Как и в случае с приводившимся детским стихотворением «Говорящий ворон», напрашиваются две разных интерпретации. Так, с одной стороны, текст легко вписывается в мотивную систему поэзии для детей за счет темы полета ребенка (о связи образов детей и птиц см.: Губайдуллина, 2006, с. 88; Горелов, 2025), то есть мы можем увидеть здесь характерное для детской поэзии волшебство. С другой стороны, стихотворение допускает и такую интерпретацию, благодаря которой может быть вписано в контекст поэзии для взрослых: дети, улетевшие в окно, – это дети, выбросившиеся из него. Не менее пугающей может быть потенциально «волшебная» ситуация из стихотворения «Фонтан»:

«Дети купались в фонтане.
Воды было много-много.
Текла она из гортани
Огромного водяного.
А после вода упала.
Испортился, видно, фонтан.
Детей стало мало-мало –
Затянуло в гортань» (Григорьев, 2008, с. 273).

В отличие от стихотворения, в котором «дети в окно улетели», где «страшной» была реалистичная интерпретация, здесь «страшно» буквальное прочтение: дети, волшебным образом затянутые в гортань водяного, погибли.

Представляется, что уже можно нащупать принципиальную разницу в том, как проявляется волшебство в текстах Григорьева для детей и для взрослых. В детских стихотворениях «бытовое» восприятие той или иной потенциально волшебной ситуации не подразумевает, что в мире текста происходит какая-то трагедия. Бытовая реальность, в которой живут взрослые, сама по себе не страшна – скорее скучна. Детский взгляд просто делает ее интереснее. Фантастическое же окрашено положительно и нередко связывается с темой творчества:

«Плотник думал топором.
Выдумал из брёвен
Ароматный светлый дом,
Дом, как терем, стройный» (Григорьев, 2008, с. 453);

«Я взял бумагу и перо,
Нарисовал уют.
Порвал листок, швырнул в ведро –
В ведре раздался стук» (Григорьев, 2008, с. 86).

В поэзии для взрослых материализация и «волшебного», и «бытового» (существующего в оппозиции к волшебному) в равной степени может обернуться чем-то чудовищным и пугающим. Это особенно видно в случае, когда то, что изначально кажется лишь речевым образом, вдруг воплощается в предметном мире текста.

Обратимся, например, к недописанной поэме «Циркачи», которая, как отмечал Скулачев (2012, с. 16-18), связана и с детскими, и со взрослыми стихами. В поэме упоминаются, например, «прекрасные артисты / Мотовелофигуристы» (Григорьев, 2012, с. 35): этот образ напоминает о детской поэзии («С быстротой ракеты / Объезжает трек / На велосипеде / Человеловек!» (Григорьев, 2008, с. 81)) и настраивает на соответствующее восприятие. Однако в то же время «волшебство» циркового действия приобретает пугающий оттенок:

«В чан засунули ребенка
А достали поросёнка.
Не берет такого мать
Фокус надо продолжать.
Поросёнок в чан залез
И теперь вообще исчез» (Григорьев, 2012, с. 33) (сохранены авторская орфография и пунктуация).

Показательно, что наравне с этими страшными трансформациями не менее травматичной выглядит ситуация, в которой, напротив, «волшебство», которого мы ждем, не случается, и традиционный фокус с распиливанием человека оборачивается жутким физическим действием:

«Распилили человека
Он теперь навек калека
Этот фокусник дурак
Производит только брак» (Григорьев, 2012, с. 33) (сохранены авторская орфография и пунктуация).

Постепенная материализация языковых образов встречается и в других произведениях. Показательно стихотворение «Тени». По сюжету герои заваривают на огне чифир, и на стене появляются тени, которые начинают как будто жить своей жизнью. Поначалу мы воспринимаем упоминания о поведении теней как набор метафор (у них свой пир, они трясутся в пляске Святого Витта, они прячутся по углам от яркого огня, а потом ложатся под героев), однако в финале мы видим, что «тени» являются одушевленными существами, причем опасными: выясняется, что после того как свет погас, тени «Сползлись впритык со всех сторон / И придушили нас» (Григорьев, 2008, с. 72).

Подобные превращения связываются уже не со светлым и творческим детским мировосприятием, а с ненадежным жутким миром, из которого не выбраться героям-взрослым:

«Чтобы быть белей и краше,
С головы до самых ног
Галя мылась в простокваше,
И теперь она творог» (Григорьев, 2008, с. 241).

Таким образом, если в детской поэзии волшебные события возникают в связи с акцентом на детском взгляде, то фантазмагория поэзии для взрослых скорее связывается с мироощущением взрослых персонажей, искаженно смотрящих на мир. Однако неверно будет сказать, что собственно детский взгляд во взрослой поэзии никогда не возникает. Порой – хотя и редко – мы встречаем незамутненный взгляд ребенка, словно прорывающийся сквозь отталкивающую взрослую действительность и помогающий осознать, что на самом деле за ней стоит:

«– Что я рисую, детки?
– Вы рисуете домик.
– А если в окошке будут клетки?
– Из домика станет дурдомик.
– А если навесить кормушку?
– Это будет тюрьмушка» (Григорьев, 2008, с. 425).

В редчайших случаях в поэзии Григорьева герой, от лица которого ведется повествование, может противопоставляться другим персонажам взрослой поэзии за счет того, что обладает творческим даром и способен на сочувствие. При этом творческий дар в григорьевском мире предполагает наличие детского взгляда. Показателен следующий текст:

«Шумели пули как гроза,
Я сразу же закрыл глаза.
Визжали пули и свистели,
Меня, однако, не задели» (Григорьев, 2008, с. 450).

Перед нами типичная ситуация взрослой поэзии: герой в опасности, царит хаос, кто-то в кого-то стреляет. Важно, что при этом герой демонстрирует отчетливо детскую модель поведения: он закрывает глаза, будто надеется, что опасность при этом исчезнет. Эта защитная реакция проявляется и на уровне речи: о страшном («пули») герой говорит с помощью природных образов («гроза») – и за счет этого как бы переводит происходящее в другой, более безопасный регистр (мир природы и мир детства у Григорьева тесно связаны (Губайдулина, 2006, с. 88-92)). Самое главное, это помогает: пули волшебным образом так и не задевают героя.

Редкие взрослые герои сохраняют детский взгляд, так что в некоторых случаях не совсем ясно, детское или взрослое стихотворение перед нами, ребенку или творчески одаренному взрослому принадлежит текст:

«Блещут дыры в облаках –
У зимы простуда.
Загрелась на домах
Сточная посуда.
Дворник улицу солил
Горстью из совка,
Чтобы снег вкуснее был
Для грузовика» (Григорьев, 2008, с. 453).

Творческий взгляд – то, что невероятно ценно, но что практически невозможно сохранить, живя во взрослом мире. На это способны лишь страдающие чудаки, возвращающиеся в детство (отметим, что первое название детского сборника «Чудаки» – «Чудеса» (Скулачев, 2012, с. 15)). Показательно стихотворение «После болезни все изменилось...». Герой, заболев, вдруг начинает видеть красоту мира вокруг, слышит голос каждого его элемента – но в финале выходит из этого состояния: «Через день стал я вовсе здоровым – / И вновь никого не пойму» (Григорьев, 2008, с. 452).

Чтобы быть чутким к чудесам и видеть красоту мира, нужно быть «ненормальным» – с точки зрения норм взрослого мира. Таким образом, конфликтное существование таких героев во взрослом мире (то есть то, что они нередко становятся жертвами (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 395)) получает дополнительное онтологическое обоснование. Творчески одаренные герои, с которыми могут происходить настоящие чудеса, противопоставлены обывателям, подверженным отвратительным трансформациям.

Это противопоставление особенно заметно, когда реализовано в рамках одного стихотворения, как в следующем тексте, где детская тяга к творческому полету контрастирует с трансформацией, постигшей «типичных» взрослых:

«Как у крупной птицы
Отрастил я крылья.
У соседей лица
Вытянулись в рылья» (Григорьев, 2008, с. 63).

Как вскользь отмечала Хворостьянова, «рылья» в этом стихотворении указывают на то, что упомянутые «соседи» «метафорически определяются как представители того же стада» (2002, с. 89) – стада свиней, в которое Иисус послал бесноватых. Это подчеркивает онтологический статус противопоставления творческих героев и типичных представителей мира взрослой поэзии Григорьева (о значимости лирического героя, наделенного творческим взглядом, в контексте преимущественно ролевой лирики автора см.: Баранов, 2026b).

Это противопоставление, проходящее через все творчество Григорьева, и позволяет лучше понять, почему поэту так важно постоянно подчеркивать, что его детские и взрослые стихи связаны между собой. Как детский, творческий взгляд во взрослых произведениях противопоставлен взгляду обывателей, так и весь мир детских стихов оказывается противопоставлен миру стихов для взрослых – как реальность волшебная, отличная от той действительности, где светлое волшебство превратилось в пугающий абсурд.

Заключение

Итак, мы приходим к следующим выводам. Характерная для детской поэзии тема волшебства дает о себе знать и в поэзии для взрослых, но существует там как бы в двух вариантах. С одной стороны, в практически неизменном – схожим детским взглядом, чудесным образом преображающим действительность, могут обладать редкие творчески одаренные герои. С другой стороны, волшебные превращения (как и их нарочитое отсутствие там, где читатель чего-то подобного ждет) легко оборачиваются жуткой фантазмагорией, материализацией негативных сторон взрослого мира. Эти два разных типа волшебства в поэтической системе Григорьева явно противопоставлены.

Мир взрослых стихов автора – это подвергшийся метаморфозам мир детской поэзии: почти все в нем изменилось, но тем ценнее оказывается редкая возможность сохранить светлое, детское начало, делающее действительность вокруг по-доброму волшебной. Именно то, что в изредка встречающихся творчески одаренных героях осталось что-то от ребенка, подчеркивает их особый статус. Детское мировосприятие противопоставляется взрослому взгляду, неспособному на эстетическое переживание чудесного – и носители детского начала предстают своего рода этическим и эстетическим ориентиром в мире, подчиненном принципу жутких метаморфоз.

Осознание описанной художественной концепции григорьевского творчества позволяет наметить перспективы дальнейшего исследования. Так, очевидно, что с темами волшебства и метаморфоз тесно связана специфика организации художественного пространства и – особенно – времени в текстах поэта. Нарушение линейности движения времени и нередкая материализация этого движения часто связаны с темами сопоставления детей и взрослых, с темами жизни, смерти, воскресения (что, в свою очередь, тесно связано с библейскими мотивами, которые часто встречаются в творчестве Григорьева; подробнее об этом см.: Хворостьянова, 2002, с. 49–114). В дальнейшем мы постараемся описать устройство пространства и времени произведений Григорьева в контексте всей мотивной системы – и это позволит в полной мере осмыслить удивительный художественный мир одного из самых самобытных поэтов конца XX века.

Материалы исследования | Research materials

1. Григорьев О. Е. Винохранитель: стихотворения. СПб.: Вита Нова, 2008.
2. Григорьев О. Красная тетрадь. Рукописи 1989–1991 гг. СПб.: Красный Матрос, 2012.
3. Григорьев О. Е. Птица в клетке: Стихи и проза. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1997.
4. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: пособие для студентов высших учебных заведений: в 2 т. М.: Academia, 2003. Т. 1: 1953–1968.

Источники | References

1. Баранов Д. К. «Детский» мир поэзии Олега Григорьева для взрослых // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. № 3. <https://doi.org/10.30853/phil20260161>
2. Баранов Д. К. «УГРО»: специфика лирического героя поэзии Олега Григорьева для взрослых // Филология: научные исследования. 2026. № 3. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2026.3.78719>

3. Бокарев А. С. Диффузия «я» и «другого»: о субъектной неопределенности в лирике Олега Григорьева // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века: коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова. М.: Юрист, 2024. <https://doi.org/10.18572/978-5-94103-521-2-2024-1-416>
4. Горелов О. С. Птицы в поэзии Олега Григорьева: филологическое наблюдение // Профессия: литератор. Год рождения: 1942, 1943: коллективная монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2025.
5. Губайдуллина А. Н. Деонтология детства в лирике О. Григорьева // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8.
6. Скулачев А. А. «Красная тетрадь» Олега Григорьева // Григорьев О. Е. Красная тетрадь: рукописи 1989-1991: монография. СПб.: Красный Матрос, 2012.
7. Топоров В. Л. Олег Григорьев // Поздние петербуржцы: поэтическая антология. СПб.: Европейский дом, 1995.
8. Хворостьянова Е. В. Поэтика Олега Григорьева: монография. СПб.: Гуманитарная Академия, 2002.
9. Юрьев О. А. Отстояние. «Летний день» Олега Григорьева как инициальный текст неслучившейся литературы // Новое литературное обозрение. 2014. № 2 (126).
10. Morse A. Between summer and winter: late Soviet children's literature and unofficial poetry // Russian literature. 2018. No. 96-98.

Информация об авторах | Author information

Баранов Дмитрий Кириллович¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Dmitry Kirillovich Baranov¹, PhD

¹ Saint Petersburg State University

¹ baranovdk@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.06.2026; опубликовано online (published online): 30.07.2026.

Ключевые слова (keywords): О. Е. Григорьев; черный юмор; детская литература; неподцензурная литература; ленинградский андеграунд; O. E. Grigoriev; black humor; children's literature; uncensored literature; Leningrad underground.